

**Проблемы издания
и датировки
курса «Риторики»
Феофана Прокоповича:
к публикации русского
перевода**

[Рец.: Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг / Пер. Г. А. Стратановского; отв. ред. С. И. Николаев; подгот. текста Е. В. Маркасовой, С. И. Николаева; коммент. Е. В. Маркасовой; науч. ред. пер. Е. В. Введенская. Москва, С.-Петербург: Альянс-Архео, 2020. — 488 с.]

**Problems of Editing and
Dating of the Course of
Rhetoric by Theophanes
Prokopowicz: The
Publication of Russian
Translation**

[Rev.: *Theophanes Prokopowicz. Ten Books on Rhetorical Art.* Trans. by G. A. Stratanovsky, ed. by S. I. Nikolaev, E. V. Markasova, E. V. Vvedenskaya. Moscow, St. Petersburg: Alyans-Arkheo, 2020. — 488 pp. (In Russian)]

**Константин Владимирович
Суториус**

Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
С.-Петербург, Россия

Konstantin V. Sutorius

National Research University
Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russia

Резюме

Рецензируемая книга представляет собой первое издание перевода на русский язык латиноязычного курса риторики, который преподавал в Киево-Могилянском коллегиуме Феофан Прокопович. Перевод был выполнен в 1960-х гг.

Цитирование: Суториус К. В. Проблемы издания и датировки курса «Риторики» Феофана Прокоповича: к публикации русского перевода // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 1. С. 457–473.

Citation: Sutorius K. V. (2021) Problems of Editing and Dating of the Course of Rhetoric by Theophanes Prokopowicz: the Publication of Russian Translation. *Slověne*, Vol. 10, № 1, p. 457–473.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.1.21

С. Г. Стратановским. Издание снабжено прекрасным и интересным комментарием, выполнено на высоком полиграфическом уровне. Однако вследствие того, что оно было сделано до появления критического издания самого латинского текста, возможности его использования в научной работе оказываются ограниченными, и только наличие комментария позволяет называть это издание научным. Главное внимание в рецензии уделяется вопросу датировки курса Прокоповича, рукописным свидетелям его текста (спискам) и текстологическим трудностям, с которыми приходится иметь дело исследователям и публикаторам этого памятника дидактической литературы.

Ключевые слова

Феофан Прокопович, риторика, перевод, Киево-Могилянская академия, текстология, латинский язык, Г. А. Стратановский, Е. В. Маркасова.

Abstract

The book under review is the first edition of the Russian translation of the course of rhetoric, which was taught in Latin by Theophanes Prokopowicz in Kyiv-Mohyla College. This course was translated in the 1960s by the famous translator George Stratanovsky. It was supplied with a detailed and interesting commentary by Elena Markasova and published as a high-quality edition. But the fact that the publication had been done before the critical edition of the Latin text appeared limits the chances to use Russian translation for further research, and only the presence of the excellent commentary allows to label this edition academic. The main points in the review are questions of the dating of Prokopowicz's Rhetoric, handwritten witnesses of this text (manuscript copies taken by students) and some text problems, with which researchers and editors of this monument of didactic literature have to deal.

Keywords

Theophanes Prokopowicz, rhetoric, translation, Kyiv-Mohyla academy, textology, Latin, George Stratanovsky, Elena Markasova

Феофан Прокопович — один из самых известных украинско-русских иерархов XVIII в., и его имя не нуждается в представлении. Самые большие по объему написанные им тексты — это курсы поэтики, риторики, философии и богословия, которые Прокопович преподавал в Киево-Могилянском коллегиуме с 1704 по 1716 г. на латинском языке. Из всей подобного рода дидактической литературы эти тексты, пожалуй, наиболее изучены. Связано это с рядом причин. Во-первых, исследователей привлекали они из-за того, что их автор был фигурой первого эшелона в правящей элите первой трети XVIII в. Во-вторых, в середине XVIII в. появляется интерес к учебным курсам Прокоповича, так что его богословский курс, значительно дополненный, становится почти что учебником по этому предмету. В-третьих, еще в XIX в. ученые обратили внимание на разительные отличия курсов Прокоповича от курсов его современников, что в XX в. даже дало возможность некоторым ученым говорить о просветительских тенденциях в его взглядах. Только теперь мы подходим к пониманию того, что для своих современников начала XVIII в. Прокопович как преподаватель, возможно, не был столь значим и авторитетен, каким он является для нас.

Хотя Прокопович и преподавал «Риторику» в Киево-Могилянском коллегииуме, однако едва ли справедливо связывать это латиноязычное сочинение с какой-либо определенной национальной литературой, как, например, и латинские сочинения Эразма Роттердамского, или Матвея Сарбевского, или Николая Кассена, на которого Прокопович неоднократно ссылается. Впрочем, нельзя и отрицать того, что к украинской культуре начала XVIII в. «Риторика» Прокоповича, кажется, ближе, чем к русской. Об этом, в частности, могут свидетельствовать польские цитаты, которые приводятся у Прокоповича (кн. 1, гл. 5 и гл. 6), поскольку они, видимо, не вызывали трудностей у его учеников.

В связи с такой известностью автора появление русской «Риторики» Прокоповича не может остаться незамеченным. Перевод был сделан известным русским переводчиком Г. А. Стратановским, как предполагают публикаторы, еще в 1960-е гг., после выхода в 1961 г. его же перевода «Поэтики» Прокоповича [Прокопович 1961: 229–455], но по какой-то причине не был опубликован и хранился в архиве сына переводчика. Таким образом, издание представляет двойной интерес: с одной стороны, как перевод сочинения Прокоповича, с другой — как произведение одного из известных русских переводчиков XX в. Издатели вполне осознают специфику публикуемого перевода и проговаривают это во введении.

Издание включает сам перевод, комментарий к нему, введение, именной указатель и очень ценную избранную библиографию. Нельзя отдельно не отметить, что издание выполнено на очень высоком полиграфическом уровне: твердый переплет, книга хорошо раскрывается и лежит на столе, не закрываясь сама собой.

Давать оценку самому переводу представляется в настоящее время неэтичным. Это произведение переводческого искусства середины XX в., и его надо не оценивать, а исследовать. К сожалению, во введении издатели почти ничего не говорят об особенностях перевода Г. А. Стратановского, хотя читатель вполне мог бы ожидать этого, во-первых, потому что между нами и переводом пролегает дистанция достаточная для того, чтобы сделать перевод предметом анализа, а во-вторых, изданию перевода Г. А. Стратановского предшествовала и публикация украинского перевода, которым мы пользовались уже 40 лет [Прокопович 1–3, I], и попытка Ренаты Лахманн и Бернда Уленбруха издать оригинальный латинский текст «Риторики» Прокоповича [Prokorovič 1982]. Перевод Стратановского хотя и был сделан раньше этих публикаций, однако издается после них, поэтому издатели не могли их не учитывать. Украинский перевод имеет все те недостатки, которые свойственны переводу, сделанному по одной рукописи, до публикации критического издания оригинального текста: ошибки, которые находились в рукописи, оказывались и в переводе.

Что же мы находим в опубликованном переводе Г. А. Стратановского? Оговорка «в опубликованном» неслучайна, потому что у перевода был научный редактор, степень вмешательства которого в перевод при публикации не была указана. Например, в предисловии Прокоповича к своему курсу читаем: «Приглашает вас к общественной деятельности часто бедствовавшая родина, прости [вашей помощи. — К. С.] на многословных спорах церковь, еще чаще сталкивавшаяся с ересью» [Прокопович 2020: 19]. В латинском тексте во всех доступных нам рукописях на месте слов «еще чаще» стоит слово «saepius», которое, действительно, представляет сравнительную степень наречия, однако сравнительная степень в

латинском могла обозначать более высокую степень проявления признака (*comparativus absolutus*). Так понимает это место и украинский переводчик — «церква, яка не раз вела боротьбу з ересью» [Прокопович, 1: 103]. Трудно представить, чтобы русский переводчик не учел такую особенность.

В 1-й главе 1-й книги про человека наделенного красноречивой мудростью (в переводе «мудростью красноречия») читаем, что люди «с удовольствием общаются с ним, наблюдают его устную речь» [Прокопович 2020: 24]. Здесь настораживает выражение «наблюдают речь». В латинском тексте стоят слова «*illius os et linguam observant*», что значит «следят за его выражением лица и речью». Как опытный переводчик мог допустить такую оплошность? Ниже в той же главе говорится, что искусством красноречия Цицерон «сразил Антония, им же исцелил Феодосия, тяжело оскорбленного в своем величии» [Ibid.: 26]. Однако, не говоря уже о том, что оратор не императора Феодосия вылечил, а восстановил его оскорбленное величие, не Цицерон сделал это, а Златоуст, что и нашло отражение в комментарии. В тексте же имя Златоуста не упомянуто, хотя во всех рукописях оно указано. Что не может не вызвать недоуменного вопроса: куда же смотрел научный редактор? В этой же главе чуть ниже в переводе говорится о том, что Цицерона «упрекали за недавно приобретенную знатность» [Ibid.: 29]. Можно подумать, что Цицерон купил себе эту знатность. В латинском же тексте стоят слова «*cui novitas objecta erat*», т. е. его упрекали в том, что он в политике — человек новый. Наконец, в конце 1-й главы перевода говорится о том, что в Риме были осуждены люди, «называвшие себя латинскими риториками и учредившие игры» [Прокопович 2020: 32]. В латинском тексте сказано «*ludos Romae arguerant*», букв. «они открыли игры». Однако слово «*ludos*» означает не только «игра», но и «школа», и, конечно, вариант «открыли школы» (как и сделано в украинском переводе: «хто відкрив у Римі школи» [Прокопович, 1: 111]) дает лучший смысл, чем «открыли игры» в русском. Как мог филолог-классик не знать этого значения?

Это всё примеры только из 1-й главы 1-й книги. В начале 1-й главы 2-й книги мы тоже находим слова, которые с трудом можно назвать понятными интуитивно: сперва говорится о том, что «содержание» риторики — это «всякая общая тема, предназначенная для произнесения», а затем о том, что «расследование есть неопределенная речь, возникающая из двух противоречащих друг другу положений» [Прокопович 2020: 100]. Феофан Прокопович, конечно, не был поклонником схоластики и при всяком удобном случае бранил схоластический метод, однако нельзя не заметить, что он делал это подобно лютеранским и кальвинистским богословам и философам своего времени, которые хотя по сложившейся традиции и ругали схоластику (аристотелизм), однако продолжали пользоваться ее терминологией и методом. В латинском тексте вместо слова «содержание» стоит слово «*materia*», т. е. «предмет». Термину же «содержание» соответствует в схоластике термин «*forma*». Прокопович прекрасно знает это и правильно пользуется соответствующими терминами в своих курсах философии и богословия. Место же выражений «общая тема и расследование» у Прокоповича стоит слово «*quaestio*», т. е. «вопрос», тоже *terminus technicus* схоластической науки, который означал, как мы бы сейчас сказали, научную проблему. В украинском переводе так и сделано: «*materia*» переводится «предмет», а «*quaestio*» — «питання» [Ibid.: 162].

Возникает вопрос, как такого рода удивительные вещи могли проникнуть в перевод опытного переводчика? Едва ли можно предполагать здесь его неосведомленность в новолатинской литературе. Также у нас нет оснований предполагать подобное и о научном редакторе перевода. Ответов, как нам видится, может быть два: или переводчик находился под влиянием кантианско-тегельянской терминологии, или опубликованный перевод представляет собой черновой вариант, который впоследствии предполагалось доработать, но по каким-то причинам он был отправлен «в стол».

Что же касается других составных частей издания, то, безусловно, наибольшую ценность среди них имеет комментарий Е. В. Маркасовой, который поражает своей подробностью и основательностью. Он представляет собой результат кропотливейшей работы по выявлению в тексте Феофана Прокоповича как можно большего числа прямых или косвенных связей с античной литературой. Этот комментарий вполне можно было бы назвать исследованием на тему, что могли узнать об античной литературе из курса риторики ученики Прокоповича. Едва ли, конечно, этот материал дает основание говорить о том, в какой мере Прокопович сам был знаком с древней литературой. Он вполне мог и не читать тех авторов, которых упоминает, и не держать в руках произведений, которые цитирует, ведь между теми авторами, на которых он ссылается и даже цитирует, пролегало более тысячи лет, и за это время было написано множество комpendиумов и хрестоматий, которыми Прокопович мог пользоваться. Однако важно то, что ученики его слышали эти имена и цитаты, заучивали их и передавали знание о них своим ученикам, слушателям, читателям. Комментарий Е. В. Маркасовой уже сейчас можно назвать классическим, и все последующие издания как перевода, так и латинского текста «Риторики» Прокоповича должны включать его; во всяком случае, они не смогут его игнорировать. Сами издатели перевода Г. А. Стратановского, сравнивая во введении комментарий к своему изданию с комментарием к переводу «Риторики» на украинский язык и с комментарием к изданию Лахманн-Уленбруха [Прокопович 2020: 13–14], осознают это. Комментарии к украинскому переводу скорее похожи на указатель имен, в то время как комментарий Е. В. Маркасовой — это не только объяснение того, кем был тот или иной литературный персонаж или автор, упоминаемый у Прокоповича, но и выявление аллюзий, мест из античных авторов, у которых данный персонаж упоминается, а также, что особенно важно, сюжетов, которые были общим местом в литературе. Благодаря такому подходу комментатор показывает, как соткана ткань текста Феофаном Прокоповичем, показывает тонкие, но прочные нити, которые связывают риторическую теорию начала XVIII в. с античной литературой.

Что же касается источников, которыми пользовался для своего курса Прокопович, то представляется целесообразным различать, с одной стороны, источники для Прокоповича «первичные», которые он привлекал непосредственно (такими источниками для него могла быть литература XVI–XVII вв.), а с другой — источники для него «вторичные» — это тексты, которыми он пользовался опосредовано (и такими источниками могли быть некоторые памятники античной литературы, на которые Прокопович ссылается). Для нас же, в силу особенностей преподавания и представления истории литературы, первичным оказывается то, что для Прокоповича могло быть опосредованным, а вторичным

для нас будет то, что для Прокоповича было первичным, т. е. тексты, которые он держал в руках. Это объясняется тем, что произведения античной литературы исследуются уже не одно столетие, имеют прекрасные издания, и некоторые из них уже не по одному разу переводились на русский язык. В то время как дидактическая литература XVI–XVII вв., не так давно став предметом исследования, русскоязычному читателю почти недоступна, а издания этих текстов находятся далеко не во всех областных центрах.

Конечно, Прокопович был фигурой незаурядной, и складывается впечатление, что в своих дидактических текстах он сознательно и, возможно, провокационно учит своих учеников иначе, чем его коллеги по Киевскому коллегиуму, ориентируясь не на иезуитскую гуманистическую традицию, а на традицию преподавания, возникшую в лютеранских и кальвинистских школах.

Проблема источников текстов Прокоповича очень сложна, и пока решить ее не удастся. Он вполне мог подходить к своим источникам компилятивно, мог пересказывать их, как мы это видим на примере его богословского курса. В такой ситуации устанавливать непосредственные источники еще труднее. Прокопович, безусловно, мог пользоваться и доступными ему произведениями древней литературы. Здесь, однако, надо учитывать его возможные языковые компетенции. В комментарии нередко приводятся на греческом языке имена собственные и названия произведений греческой литературы. Однако знал ли сам Прокопович греческий и смог ли бы прочесть эти названия? Комментатор благоразумно воздерживается от выяснения непосредственных или как можно более близких источников Прокоповича, потому что это отдельная большая работа, требующая специального предварительного исследования. Эта работа в свою очередь потребует постановки вопроса, какими путями указанные в комментарии цитаты, параллели и аллюзии из античной литературы проникали в текст Прокоповича. Это сделало бы комментарий слишком тяжеловесным и лишило бы его той концептуальной целостности, которой он обладает в настоящем виде. Комментатору удалось не только показать особенности текста Прокоповича, но и отразить особенности самого перевода, сделав важный шаг на пути его исследования. В частности выясняется, что переводчик приводит цитаты из произведений античной литературы, которые встречаются у Прокоповича, по уже имевшимся русским переводам. Комментатор везде, где это возможно, устанавливает источники, которыми пользовался переводчик, — переводы, опубликованные во второй половине XIX — первой половине XX в. Комментарии очень удобно расположены в книге: не после текста, а внизу каждой страницы, что избавляет читателя от утомительного перелистывания.

Однако, при всем том интересе, который вызывает издание русского перевода «Риторики» Прокоповича, нельзя не испытывать некоторого сожаления по поводу столь скромного введения к публикации, позиционируемой как научная. Конечно, о личности и творчестве Прокоповича написано уже немало, однако при научном издании памятника литературы мы вполне могли бы рассчитывать на более развернутое введение, в котором были бы освещены вопросы его специфики, авторства, датировки и рукописной традиции.

Главная специфика «Риторики» Прокоповича, о которой во введении даже не упоминается, состоит в том, что это дидактический текст. Производство такого рода текстов вполне можно рассматривать как часть должностных обязанностей

преподавателя: в конце XVII и первой половине XVIII в. каждый преподаватель Киево-Могилянского коллегіума/академии по каждому предмету, который он преподавал, составлял для своих студентов некий текст, чтобы студенты по нему изучали предмет. Зачастую такие тексты — это единственный источник, на основании которого мы судим о том, кто, когда, что и каким образом преподавал. Эти тексты не только и не столько показывают, каким был кругозор преподавателей и какими источниками они пользовались, — часто это остается областью догадок и предположений — сколько дают возможность судить о том, что из этих курсов узнавали ученики.

Эта особенность «Риторики» Прокоповича как текста дидактического должна приниматься во внимание и при его оценке. Феофан Прокопович преподавал риторику, по-видимому, только один учебный год, только один раз в жизни. Можно ли на этом основании считать его теоретиком красноречия? Если да, то, поскольку перед курсом риторики Прокопович преподавал, также, по-видимому, один год, курс поэтики, а после риторики, судя по всему, — два раза двухлетний курс философии, и, наконец, курс богословия, его надо считать теоретиком всех этих дисциплин. Однако все это были лишь ступени академической карьеры, для продвижения по которым от преподавателя не требовалось быть теоретиком в той или иной области.

Специфика имеющегося у нас текста, который непосредственно обусловлен учебной деятельностью школы и отражает ее, должна учитываться при решении всех остальных вопросов, возникающих в связи с текстом. И если по поводу авторства вопросов не возникает, поскольку в двух из известных списков «Риторика» указано, что преподавалась она «a reverendo patre Theophane Proscopowicz» в Киеве в академии Могилянской, то по поводу датировки курса и текста возникают сомнения.

Издатели пишут во введении, что Прокопович читал курс риторики в 1706–1707 гг. В историографии это общее место. Возникает, однако, вопрос, имеется ли здесь в виду учебный 1706/07 г. или два календарных года. Во всех известных рукописях на титульном листе «Риторика», где он есть, указано «anno Domini 1706». Напрашивается ответ, что курс преподавался в 1706/07 уч. г. Однако Д. Вишневский в своем до сих пор не потерявшем актуальности труде по истории Киевской академии пишет, что традиционно двухлетний курс философии, который преподавал Прокопович, должен был начаться в 1706/07 уч. г., так как «Этика», последняя часть курса, преподавалась в конце 1707/08 уч. г. [Вишневский 1903: 193]. От курса 1706–08 гг. сохранились две записи. Одна хранится в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. Вернадского (ИР НБУВ): ф. 301 (Киевская духовная академия), шифр ДА 43п; по ней был сделан украинский перевод, опубликованный в «Філософських творах» [Прокопович 1–3, II]. Вторая находится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: ф. 577 (Петроградская духовная семинария), шифр 64 [Буланина 1986]. В последней рукописи хотя и указано на титульном листе, что курс преподавался «annis 1707 et 1708» (л. 1), однако в заглавии второго раздела курса, «Физика», значится «anno 1707» (л. 139v). Соответственно, первый раздел курса, «Логика», должен был начаться осенью 1706 г. Это согласуется с сообщением «готской» биографии Прокоповича о том, что в 1708 г. он стал преподавать философию

[Vita 1772: 5v]¹ — надо понимать, что это был его второй двухлетний курс — и с тем, что в 1709/10 уч. г. закончился в Киевском коллегиуме богословский курс Христофора Чарнуцкого, начатый в 1706/07 уч. г. [Вишневский 1903: 244], а окончание каждого второго двухлетнего курса философии совпадало с окончанием четырехлетнего курса богословия. Но в таком случае придется предположить, что Прокопович преподавал одновременно в двух классах, риторики и философии, что практически не встречается из-за большой нагрузки на преподавателя². Кроме того, в ИР НБУВ (ф. 306 (Киево-Печерская лавра), шифр 307п/113) хранится «Риторика» с заголовком: «*Cynosura prope Borysthenis aquas spectata per tot eruditae eloquentiae flumina ad stabile oratoriae facultatis tribus idearum cursibus nobilem orthodoxam juventutem dirigens promontorium anno 1706 quo verbum dei translatum est a divinis ad humana*», где на переднем беловом листе записано: «*Ex Mihalewicz scriptus ab r.p. Misztalski anno 1706 et 7*» [Петров 1–3, II: 103]³. Поскольку на берегу Днепра другого, кроме Киевского коллегиума, учебного заведения в эти годы нам неизвестно, то, видимо, речь идет о курсе риторики, который преподавался в Киевской академии в 1706/07 уч. г. Отсюда напрашивается предположение, что Прокопович преподавал риторику в 1705/06 уч. г., и 1706 г. в заглавии указывает не на начало курса, а на его окончание, что, как кажется, вполне соответствует синтаксису «*De arte rhetorica libri X ... traditi ... anno Domini 1706*», поскольку причастие «*traditi*» — пассивного залога совершенного вида, т. е. действие преподавания понимается как законченное.

Здесь можно вспомнить о наблюдении Д. Вишневого, который обращает внимание на то, что в делопроизводственных документах «в первой половине XVIII в. в Академии время считали не учебными годами, а гражданскими, причем первая половина учебного года, так сказать, умалчивалась [...] Например, “Определение” учителей на 1745/46 учеб. год записывается определением на 1746 г.» [Вишневский 1903: 247]. Возникает, конечно, сомнение, насколько справедливо истолковывать таким образом данные начала века. Однако среди известных нам учебных материалов этого времени можно найти, хотя и очень немногие, примеры такого обозначения. Например, заглавие курса риторики, который преподавал в 1704/05 уч. г. в Киевском коллегиуме Досифей Чарнуцкий, в рукописи РГБ, ф. 173.1 (Фундаментальное собрание Московской духовной академии), № 323 читается так: «*Corona aurea ... condecorata sub reverendo professore Dosotheo Czarnucki anno Domini 1705*» (л. 1). В рукописи же № 322 из того же собрания дата указана «*anno ... 1704 sequenti, 1705. Decembris 1ma*» (л. VI).

Предположение о том, что Прокопович преподавал риторику в 1705/06 уч. г., вступает, как кажется, в противоречие с распространенным в историографии утверждением о том, что в 1705/06 уч. г. Прокопович преподавал курс поэтики. Это мнение основано, видимо, на том, что во всех известных списках «Поэтики» Прокоповича в заглавии курса, где оно есть, указан 1705 г., который рассматри-

¹ Впервые напечатана в опубликованной в Готе в 1772 г. третьей книге богословского курса Прокоповича.

² Впрочем, Д. Вишневский решает на такое предположение [Вишневский 1903: 193].

³ Еще один список этого курса с точно таким же заглавием, где указан 1706 г., хранился в библиотеке Черниговской семинарии [Лилеев 1880: 180]. Местонахождение этой рукописи в настоящее время нам неизвестно.

вається як год начала курса. Однако при другом понимании эта дата указывает не на начало, а на окончание курса, т. е. Прокопович преподавал поэтику в 1704/05 уч. г. Такое предположение будет согласовываться как с нашей датировкой курса риторики, так и с датировкой курса философии 1706–1708 гг. Оно позволяет непротиворечиво объяснить также и другие данные наших источников. Так, в курс поэтики, который преподавался в Киевском коллегииуме/академии в начале XVIII в., входило как его часть краткое изложение риторики. В известных списках «Поэтики» Прокоповича нельзя не обратить внимания на отсутствие этого раздела. Только в одной рукописи — ИР НБУВ, ф. 305 (Киевская духовная семинария), шифр ДС 245п — после текста «Поэтики» идет краткая «Риторика» под заголовком «*Arctos in Parnasso Mohylo Mazepliano exorta neoequites humanioris literaturae orthodoxos Pegasum gerentes bino idearum cursu ad altiora tam legati quam soluti eloquii culmina evehens anno quo beLLa parat RossUs spreto De Caesare Mota*». Маюскулы, выделенные в рукописи в последней фразе, написанной гекзаметром, складываются в обозначение года 1705. Как Н. И. Петров [Петров, 1: 281], так и Д. Вишневский [Вишневский 1903: 132, примеч. 3] писали, что эта краткая «Риторика» преподавалась перед «Поэтикой» Прокоповича. Однако то, что в рукописи «Риторика» расположена после «Поэтики» и записана тем же учеником, что и «Поэтика», как кажется, проще объясняется тем, что «Риторика» преподавалась после «Поэтики», чем наоборот, поскольку по известному нам учебному плану Киевского коллегииума риторика перед поэтикой не преподавалась. Соответственно, можно предположить, что эта краткая «Риторика» преподавалась в конце 1704/05 уч. г., а «Поэтика» Прокоповича в том же учебном году перед ней.

Что же касается рукописной традиции «Риторики», то во введении перечислены девять рукописей, которые якобы содержат списки этого курса Прокоповича. Из этих рукописей, по словам публикаторов перевода, к изданию были привлечены семь. В числе последних указаны две рукописи, написанных уже в 1750-е гг.: рукопись РГИА, ф. 834 (Рукописи Синода), оп. 3, № 3421, которая датируется 1751 г., и рукопись ОР РГБ, ф. 173.П (Дополнительное собрание Московской духовной академии), № 86, которая датируется 1750 г. Конечно, у читателя возникает вопрос, как связаны эти рукописи середины века со списками, которые по палеографическим особенностям надо отнести ко времени, когда курс Прокоповича преподавался, однако издатели ответа на этот вопрос не дают.

В то же время читатель не может не обратить внимания на то, что заглавие курса риторики в указанных рукописях отличается от его заглавия в рукописях начала века: на титульном листе обеих рукописей значится «*Praecepta rhetorica a Theophane Procopovicz ... collecta*». Текст в указанных рукописях действительно очень близок курсу Прокоповича в записях начала века, но не тождественен ему. Если смотреть на этот текст как на курс Прокоповича, то можно предположить, что мы имеем дело с иной редакцией текста. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что обе рукописи относятся к преподаванию риторики в Московской Славяно-греко-латинской академии, где с 1748/49 по 1752/53 уч. г. преподавал риторику Кирилл Григорович [Синод 1868–1914, XXVII: 294, № 132; XXIX: 80, № 37; XXXI: 213–214, № 144; XXXII: 293, № 135]. Хотя эти курсы и были основаны на курсе Прокоповича, однако это были курсы риторики, которые преподавались другим преподавателем, в другом месте и в другое время.

Подобное явление встречается в дидактической литературе постоянно вплоть до настоящего времени, когда преподаватель пользуется для своего курса материалами кого-либо из своих предшественников; и в курсах поэтики, риторики, философии, богословия XVIII в. мы постоянно встречаемся с таким явлением. Однако это едва ли может быть основанием для того, чтобы, к примеру, курс В, преподававшийся на основании курса А («lectura secundum alium», как это называлось в XIV в.), рассматривать как список курса А, хотя, конечно, он может использоваться для реконструкции и издания курса А.

На то, что названные рукописи едва ли можно рассматривать как списки «Риторики» Прокоповича, указывает, в частности, то, что в них отсутствуют польскоязычные цитаты, которые содержатся в списках начала века. Например, в кн. 1, гл. 5, § 1 (в рукописях номера указываются на полях) отсутствует фрагмент от слов «Unum hic subjicō» до конца польской цитаты [Prokopovič 1982: 27–28]⁴. Также отсутствует польская цитата в § 3 [Prokopovič 1982: 30–31] и конец главы со слов «Innumerabilia fere hujusmodi exempla» до конца с еще одной польской цитатой [Prokopovič 1982: 33–34]. Кроме того, в гл. 6, § 7 отсутствует текст со слов «Unum tamen in quo haeresim quoque suam immiscuit» и до конца главы [Prokopovič 1982: 40–48] — что составляет 2/3 всей этой главы, — который также содержит цитаты на польском. Также и в конце гл. 1 кн. 4 в списках начала века имеется цитата из предисловия к словарю Григория Кнапия, где осуждается макаронизм, и пояснение к ней [Prokopovič 1982: 209 (ст. 18) — 210 (ст. 16)]. В московских курсах этого текста нет. Очевидно, составитель московского курса риторики решил, что для его студентов эти части излишни. Если текст, представленный в названных московских рукописях рассматривать как иную редакцию «Риторики» Прокоповича, то, видимо, редакцию эту придется считать, во-первых, не авторской, а во-вторых, московской. Однако более продуктивным, кажется, смотреть на них уже как на часть другой истории — истории того, как курс Прокоповича использовался в преподавании риторики в XVIII в. В ряд с этими двумя московскими курсами надо, по-видимому, поставить также рукопись ОР РГБ, ф. 354 (Вологодское собрание), № 221, а также рукопись из библиотеки Иркутского университета № 393 [Игумнова 2001: 103], в которых содержится курс риторики, преподававшийся в Московской академии в 1749/50 уч. г. под заголовком: «De arte rhetorica libri decem a Theophane Procopowicz olim ex variis authoribus collecti in Mosquensi imperiali Academia anno Domini 1749 explicati».

Не вполне понятным остается, в чем заключалась работа научного редактора при подготовке издания. Во введении сказано, что издатели перевода Г. А. Стратановского, поскольку в их распоряжении оказалось еще пять списков «Риторики» Прокоповича, помимо тех двух, по которым был сделан перевод, «сочли целесообразным для большей полноты и ясности, с одной стороны, восполнить лакуны, содержащиеся в этих двух списках, с другой, — исправить испорченные или непонятные места, основываясь на лучше сохранившемся тексте или на более релевантных чтениях» [Прокопович 2020: 10]. Однако ни в тексте перевода, ни в комментариях к нему нет указаний на то, что же именно было сделано при редактировании. А это,

⁴ Ссылки даются на это издание, а не на списки, поскольку издание потенциально более доступно.

исходя из позиций, обозначенных издателями во введении, — что публикуемый перевод представляет ценность как памятник переводческого искусства, — представляется важным: где заканчивается работа переводчика и начинается работа редактора, почему был отредактирован перевод. Читатель оказывается примерно в такой же ситуации, как с изданием «богословия» Прокоповича, опубликованным в 1773 г. [Prokorporowicz 1–5]: книга издана под именем Прокоповича, но содержит немало дополнений, сделанных издателем, которые никак не обозначены, в результате чего отличить в издании слова Прокоповича от текста, ему не принадлежащего, без привлечения дополнительных источников оказывается очень затруднительно. В тексте перевода Г. А. Стратановского постоянно встречаются квадратные скобки, однако нам не удалось найти в книге указания на то, что они обозначают: проставлены ли они были самим переводчиком или научным редактором.

Сказанное во введении о «восполнении лакун» тоже вызывает недоумение при работе с текстом. Во вступлении к каждой книге «Риторики» Прокоповича дается перечень глав, которые содержатся в книге. Этим дидактическим приемом Прокопович пользуется во всех своих курсах, кроме «Поэтики». В опубликованном переводе во вступлении к 8-й книге последней главой указана 12-я [Прокопович 2020: 388]. Однако в конце восьмой книги после текста 12-й главы находится заголовок главы 13-й, и в примечании указано, что текст главы отсутствует [Ibid.: 418]. В издании Лахманн-Уленбруха нет ни того, ни другого [Ibid.: 398 и 429 соответственно]. Однако в рукописи ОР РНБ, ф. 522 (Новгородская духовная семинария), № 57, которой пользовались издатели перевода и которую можно датировать временем преподавания курса, не только имеется заголовок 13-й главы в конце 8-й книги, но и во вступлении к книге эта глава указана (л. 215v). Так же и в рукописи ОР РНБ, ф. 577 (Петроградская духовная семинария), № 71 — ее также можно датировать временем преподавания курса; она была известна издателям, но по неуказанной причине они не использовали ее при редактировании перевода, хотя пользовались свидетельствами гораздо менее надежных московских курсов середины века. Во вступлении к 8-й книге указан заголовок 13-й главы (л. 298v), однако в конце книги нет ни текста, ни заголовка. Причина, по которой издатели не включили заглавие 13-й главы во вступление, хотя оно имеется в двух списках начала века, но дали это заглавие в конце 8-й книги, хотя оно имеется, видимо, только в одном списке, никак не оговаривается.

Однако сделано во введении и одно из немногих замечаний, касающихся собственно публикуемого текста: «В оглавлении, написанном Феофаном Прокоповичем, в первой книге значится глава XII, которая отсутствует в рукописях. Г. А. Стратановский в переводе дает текст главы XIII под номером XII» [Прокопович 2020: 10]. Складывается впечатление, что переводчик по своему произволу обозначил главу 13-ю номером 12-м вместо того, чтобы указать 13-й номер. Однако переводчик сделал так потому, что во всех рукописях начала века последняя глава 1-й книги имеет номер 12-й, а во вступлении к 1-й книге, действительно, значится между 11-й главой и главой последней еще одна глава. То, что количество глав в тексте книги и список их во введении не соответствуют друг другу, — не особенность перевода, а текстологический вопрос, который, однако, издатели не обсуждают.

Среди прочих особенностей рукописной традиции текста, на которые, к сожалению, издатели не обращают нашего внимания, нельзя не отметить еще одну,

которая может оказаться симптоматичной не только для самой рукописной традиции «Риторики» Прокоповича как текста дидактического, отражающего компетенции учеников, но и для самого преподавателя. В конце 10-й главы 5-й книги приводятся первые две строфы 3-й оды 3-й книги од Горация. При публикации перевода они даны с разбивкой на строки [Прокопович 2020: 337. Prokovič 1982: 327]. Однако в рукописи ИР НБУВ, ф. 305 (Киевская духовная семинария), шифр ДС 248п, по которой Р. Лахманн и Б. Уленбрух опубликовали «Риторику» Прокоповича, если верить этому изданию, а также в упомянутой выше рукописи из ОР РНБ № 57 (л. 177v) эта цитата приводится без разбивки на стихи. Интересно, что в «Риторике» цитат из од Горация очень мало, а фрагментов длинной более двух стихов только два: кроме указанного, цитируются еще три последних стиха из 6-й оды 3-й книги (кн. 3, гл. 4 [Prokovič 1982: 175]). В курсе поэтики Прокоповича из од Горация фрагментов длиной более двух стихов тоже только два: один — 7-я строфа из 9-й оды 4-й книги (кн. 1, гл. 1 [Прокопович 1961: 236, 345]), второй — тот же фрагмент из двух строф 3-й оды 3-й книги, что и в «Риторике» (кн. 2, гл. 8 [Прокопович 1961: 300, 417]). Остальные цитаты в «Поэтике» из сатир и посланий. Сходство здесь рукописей № 248 и № 57 говорит или о том, что они связаны между собой, или о том, что ученики независимо друг от друга написали текст одинаково, что, в свою очередь, может говорить или об особенностях их подготовки, т. е. оба они не членили Алкееву строфу на стихи, или о том, что этого не сделал сам преподаватель.

Кроме того, изданию явно недостает корректора латинских цитат. Например, во введении титульный лист из упомянутой выше рукописи из РГИА № 3421 передается так: «Praecepta rhetorica a Theophane Procopowicz olim in **Akademia** Kijovienski ... collecta ... ad nostrum utilitatem», [Прокопович 2020: 11] — вместо чтений «**Academia**, Kijoviensi, nostram», как это дает сама рукопись. В передаче заголовка рукописи из РГБ № 86 также стоит «nostrum» вместо «nostram». В списке сокращений, где имена авторов и названия их сочинений приводятся на латинском, Григорий Нисский значится как «Gregory Nazianzenos» [Прокопович 2020: 464], Марк Фабий Квинтилиан — как «Mark Fabius Quintilianus» [Ibid.: 466], название сочинения «Жизнь Фукидида» — как «Vita Thucydides» [Ibid.: 465].

Однако самым уязвимым местом издания оказывается идея опубликовать перевод памятника до его научного издания на языке оригинала. Так вводили в научный оборот тексты, связанные с деятельностью Киево-Могилянского коллегіума/академии и Московской Славяно-греко-латинской академии, украинские и российские ученые второй половины XX в. (философские курсы Георгия Конисского [Конисский 1990] и Феофана Прокоповича [Прокопович, 1–3: II], первая половина философского курса Стефана Яворского [Яворський 1992], «Поэтика» Митрофана Довгалевского [Довгалевський 1973], фрагменты философского курса Феофилакта Лопатинского [Панибратцев 1994, Панибратцев 2002: 484–512⁵]).

В той же серии, что и издание Лахманн-Уленбруха, вышел курс «Поэтики» Федора Кветницкого, однако это была лишь публикация факсимиле рукописи, причем не лучшего качества [Kvetnickij 1985]. В последнее время, однако,

⁵ В этом же издании опубликован перевод «диалектики» из того же курса (с. 240–436) и фрагмент ее латинского текста (с. 457–483). Однако не указано, по какой рукописи/рукописям текст издан и переведен.

украинские ученые сделали попытку перейти к собственно научным изданиям текстов. Примером могут служить разделы философского курса Иннокентия Гизеля, которые опубликованы с параллельным украинским переводом [Гизель 2011, II]. Нам могут возразить, что перевод «Поэтики» Прокоповича опубликован вместе с ее латинским текстом, а латинский текст «Риторики» издан Р. Лахманн и Б. Уленбрухом. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что изданный в 1961 г. латинский текст «Поэтики» уже в момент его выхода из печати никак нельзя было считать научным изданием, поскольку он представлял собой перепечатку могилевского издания 1786 г., надежность которого у нас есть все основания поставить под сомнение, если принять во внимание то, как был опубликован богословский курс Прокоповича в 1773 г. Это не было критическое издание текста по известным спискам начала века, которые были непосредственно связаны с преподаванием Прокоповича и хранились в ИР НБУВ и ОР РНБ.

Что же касается публикации «Риторики», подготовленной Р. Лахманн и Б. Уленбрухом, с ее большим и интересным литературоведческим введением, вошедшем затем в книгу Р. Лахманн «Демонтаж красноречия» [Лахманн 2001], то, как справедливо заметил Д. Фрейданк в своей рецензии на эту публикацию, она не была критическим изданием [Freydank 1988: 299]. Опубликованными оказались фактически только подготовительные материалы к изданию: в качестве основного дан текст по упомянутой рукописи из НБУВ ДС 248п, а в примечаниях помещены разночтения по другой киевской рукописи ДС 249п, независимо от того, в какой из рукописей чтение было правильным. Строго говоря, эту публикацию едва ли можно рассматривать как издание текста вообще: основной текст изобилует чтениями очевидно неверными и без вариантов второй рукописи его понимать местами очень трудно.

Д. Фрейданк делает также интересные текстологические наблюдения, которые, как мы могли бы ожидать, найдут отклик при публикации русского перевода, для сверки которого, по словам издателей, были привлечены рукописи, при издании латинского текста не задействованные. Однако поставленные Фрейданком вопросы остаются без внимания. В частности, Фрейданк обращает внимание, что в конце 2-й книги в рукописи ДС 248п содержатся примеры амплификации, которых нет в рукописи ДС 249п [Прокопович 2020: 128–141], и задается вопросом, должен ли этот текст рассматриваться как часть курса Прокоповича. Интересные результаты могла бы дать упомянутая рукопись ОР РНБ, ф. 522, № 57, которая, по словам издателей, привлекалась для сверки русского перевода. В ней отсутствует 6-й пример, который имеется в рукописях 248п и 249п [Ibid.: 128], однако имеются два примера, которые находятся в рукописи 248п: на лл. 71v–72v пример, который начинается словами «Amplificatur consolatio Davidis» и заканчивается «superare valeas» [Ibid.: 137–139], а также на лл. 70v–71v пример, который начинается словами «Amplificatur laetitia» и заканчивается «exponere potuissent» [Ibid.: 139–141]. В той же рукописи № 57 на лл. 332–352v подшиты «Narrationes tum historicae tum oratoriae». Здесь на л. 334 мы находим «Oratio gratulatoria patroni per syllo.», которая начинается словами «Ea demum sincera» и заканчивается «se leonem demonstrabit»; в рукописи 248п этот текст фигурирует под заголовком «Gratulatio patroni Ignatii divi» [Ibid.: 137]. На лл. 351–352v в рукописи № 57 мы находим еще три небольших примера, которые находятся в рукописи 248п: «Gratulatio honoris praefecto

congregationis» [Ibid.: 132–133], «In eadem materia» [Ibid.: 133–134, под заголовком «Gratulatio honoris rectoris Kijoviae»], «Gratulatio indietis» (под заголовком «Gratulatio patroni Barlaami metropolitae», с. 134–135, до строки 12, до слов «debere tibi censeamus»). Таким образом, в рукописи № 57 нам не удалось найти четыре примера, которые имеются в рукописи 248п: «Commiseratio pro quodam probo» [Ibid.: 128–129], «Oratio dedicatoria thesium ... Stephano Javorski» [Ibid.: 129–132], вторая половина «Gratulatio patroni Barlaami metropolitae» и «Oratio gratulatoria patrono abbatis Pieczariensis» [Ibid.: 135–136]. То, что половина примеров амплификации из последней главы 2-й книги, которые имеются в рукописи 248п и которых нет в рукописи 249п, нашлись в рукописи № 57, не может, конечно, служить достаточным основанием для того, чтобы считать эти образцы частью курса Прокоповича. Однако это можно рассматривать как признак по крайней мере двух вещей: во-первых, того, что рукописи 248п и № 57 были каким-то образом связаны между собой, а во-вторых, того, что эти примеры амплификации были связаны с курсом Прокоповича. И здесь снова надо принять во внимание дидактический характер курса риторики. Изучение как поэтики, так и риторики включало, кроме усвоения теоретического материала, также знакомство учащихся с некими образцовыми текстами (разные виды лирических стихотворений, фрагменты эпоса, письма, фрагменты исторических произведений, речи, гомилии). Такие тексты часто размещаются в рукописях с теоретическими курсами, но отдельно от них. Однако они были, по-видимому, связаны с этими курсами и подбирались, как можно предположить, самим преподавателем. Конечно, наблюдение за тем, какие образцы подбирал для своих учеников Прокопович, чьи теоретические представления отличались от основного направления, которое можно наблюдать в курсах поэтики и риторики, преподававшихся в Киево-Могилянском коллегиуме в первой трети XVIII в., могло бы оказаться весьма интересным. Однако издатели, как сказано, даже не упоминают о данном текстологическом затруднении.

Публикаторы перевода Г. А. Стратановского при этом указывают во введении, что им была доступна машинопись критического издания «Риторика» Прокоповича, подготовленного самим переводчиком, — по ней, как можно предполагать, делался перевод. И для настоящего научного издания необходимо было, взяв за основу работу над латинским текстом, сделанную переводчиком, дополнив ее коллацией, которую опубликовали Р. Лахманн и Б. Уленбрух, с привлечением известных сегодня других списков сделать реконструкцию текста и уже после издания такой реконструкции, или вместе с ней, опубликовать перевод. А в настоящем виде мы получили публикацию для русскоязычного читателя хотя и интересную, однако выполненную методом не только устаревшим, но и изначально сомнительным.

Подводя итоги, можно сказать, что публикация русского перевода «Риторика» Прокоповича безусловно своевременна и не может остаться незамеченной. Перевод привлечет внимание не только русистов, но и латинистов, занимающихся новолатинской литературой. Выше всяких похвал, конечно, блестящий комментарий Е. В. Маркасовой, который представляет отдельную ценность как микроисследование связей текстов Прокоповича и античной литературы. Однако, к сожалению, у данного издания оказалось несколько недостатков, которые невольно вызывают сомнение, можно ли его называть научным. Во-первых, в чрезвычайно

кратком введении к публикации, которое едва ли соответствует претензии издания, не рассматриваются важнейшие для публикации текста вопросы об авторстве, датировке и текстологических проблемах как самого текста, так и перевода. Во-вторых, в издании оказались не отражены и не обоснованы те изменения, которые были внесены научным редактором перевода в текст переводчика. В-третьих, самое главное, концепция издания хотя и вписывается в представления о научности полувековой давности, однако никак не соответствует им сегодня.

Сокращения

ИР НБУВ – Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского
МДА – Московская духовная академия
НБ ИГУ – Научная библиотека Иркутского университета
РГБ – Российская государственная библиотека
РГИА – Российский государственный исторический архив
РНБ – Российская национальная библиотека

Библиография

Источники

Рукописи

Вологд.221

РГБ, ф. 354 (Вологодское собрание), № 221.

ДА 43п

ИР НБУВ, ф. 301 (Церковно-археологический музей Киевской Духовной академии), ДА/43п.

ДС 245п

ИР НБУВ, ф. 305 (Киевская духовная семинария), ДС/245п.

ДС 248п

ИР НБУВ, ф. 305 (Киевская духовная семинария), ДС/248п.

ДС 295п

ИР НБУВ, ф. 305 (Киевская духовная семинария), ДС/249п.

КПЛ 307п

ИР НБУВ, ф. 306 (Киево-Печерская лавра), 307п/113.

МДА-86

РГБ, ф. 173.П (Дополнительное собрание МДА), № 86 – Феофан Прокопович.

Наставление по риторике, сер. XVIII в.

МДА-322

РГБ, ф. 173.1 (Фундаментальное собрание МДА), № 322 – Corona Aenea. Риторика, нач. XVIII в.

МДА-323

РГБ, ф. 173.1 (Фундаментальное собрание МДА), № 323 – Corona Aenea. Риторика, нач. XVIII в.

НовгДС 57

РНБ, ф. 522 (Новгородская духовная семинария), № 57 – Феофан Прокопович.

Риторика, 1706 г.

ПДС 64

РНБ, ф. 577 (Петроградская духовная семинария), оп. 1105а, № 97, шифр 64. Курс философии в трех частях: логика, физика, метафизика. 1707–1708 гг.

ПДС 71

РНБ, ф. 577 (Петроградская духовная семинария), оп. 1105а, № 104, шифр 71. Феофан Прокопович. Риторика, 1705 г.

Ритор.393

НБ ИГУ, № 393, «De arte rhetorica...» (Курс риторики, преподававшийся в Московской академии), сер. XVIII в.

Син.3421

РГИА, ф. 834 (Рукописи Синода), оп. 3, № 3421, 1751 г.

Литература

Freydank 1988

Freydank D., Buchbesprechung. F. Prokopovič. De Arte Rhetorica Libri X, Kijoviae 1706... Köln, Wien, 1982, *Zeitschrift für Slawistik*, 33/2, 1988, 299–301.

Kvetnickij 1985

Kvetnickij F., *Clavis poetica*, B. Uhlenbruch, Hrsg (= Slavistische Forschungen, 27/3; Rhetorica Slavica, 3), Köln, Wien, 1985.

Prokopovič 1982

Prokopovič F., *De arte rhetorica libri X*, von R. Lachmann, Hrsg., B. Uhlenbruch, Handschriftenredaktion, (= Slavistische Forschungen, 27/2; Rhetorica Slavica, 2), Köln, Wien, 1982.

Prokopowicz 1–5

Prokopowicz Th., *Christiana orthodoxa theologia, in academia Kioviensi a Theophane Prokopowicz ejusdem academiae rectore, postea archiepiscopo Nowogrodensi adornata et proposita*, 1–3, 5, Regiomonti, 1773–1775.

Vita 1772

Vita auctoris, Prokopowicz Th., *Tractatus de processione Spiritus sancti nunc primum editus*, Gothae, 1772, 5–8v (sine numeris impositis).

Буланина 1986

Буланина Т. В., Материалы для полного инвентаря курсов риторики и философии Киево-Могилянской академии, XVIII век: сборник статей и материалов, 15: Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой, Ленинград, 1986, 122–131.

Вишневский 1903

Вишневский Д., *Киевская академия в первой половине XVIII столетия*, Киев, 1903.

Гізель 2011

Гізель І., *Вибрані твори у 3-х томах*, Л. Довга, упор., Київ, Львів, 2011.

Довгалевський 1973

Довгалевський М., *Поетика (Сад поетичний)*, Київ, 1973.

Игумнова 2001

Русские и иностранные рукописи Научной библиотеки Иркутского государственного университета. Каталог, Н. Д. Игумнова, сост., В. Н. Алексеев, науч. ред., 2, Новосибирск, 2001.

Кониський 1990

Кониський Г., *Філософські твори у двох томах*, Київ, 1990.

Лахманн 2001

Лахманн Р., *Демонтаж красноречия: риторическая традиция и понятие поэтического*, С.-Петербург, 2001.

Лилеев 1880

Лилеев М. И., *Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Черниговской духовной семинарии*, С.-Петербург, 1880.

Синод, 1868–1914

Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода, сост. Комиссией для разбора и описания архива Святейшего правительствующего синода, С.-Петербург, 1868–1914.

Панибратцев 1994

Панибратцев А. В., «Интродукция» в философский курс Феофилакта (Лопатинского), *Историко-философский ежегодник*, 1992, Москва, 1994, 200–222.

— 2002

Панибратцев А. В., *Просвещение разума. Становление академической науки в России*, С.-Петербург, 2002.

Петров, 1–3

Петров Н. И., *Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве*, 1–3, Москва, 1891–1904.

Прокопович, 1–3

Прокопович Ф., *Філософські твори у 3 тт.*, Київ, 1979–1981.

— 1961

Прокопович Ф., *Сочинения*, И. П. Еремин, ред, предисл., Москва, Ленинград, 1961.

— 2020

Прокопович Ф., *Об искусстве риторическом десять книг*, Г. А. Стратановский, пер., С. И. Николаев, Е. В. Маркасова, Е. В. Введенская, ред., Москва, С.-Петербург, 2020.

Яворський 1992

Яворський С., *Філософські твори*, 1, Київ, 1992.

References

Bulanina T. V., *Materialy dlia polnogo inventaria kursov ritoriki i filosofii Kievo-Mogilianskoi akademii, XVIII vek: sbornik statei i materialov*, 15: *Russkaia literatura XVIII veka v ee svyaziakh s iskusstvom i naukoj*, Leningrad, 1986, 122–131.

Dovga L., ed., Gizel I., *Vybrani tvory u 3-kh tomakh*, Kiev, Lviv, 2011.

Dowhalewskij M., *Hortus Poeticus*, Kiev, 1973.

Freydank D., *Buchbesprechung. F. Prokopovič. De Arte Rhetorica Libri X, Kijoviae 1706...* Köln-Wien, 1982, *Zeitschrift für Slavistik*, 33/2, 1988, 299–301.

Konisski G., *Filosofski tvory u dvokh tomakh*, Kiev, 1990.

Kvetnickij F., *Clavis poetica*, B. Uhlenbruch, Hrsg. (= Slavistische Forschungen, 27/3; *Rhetorica Slavica*, 3), Köln, Wien, 1985.

Lachmann R., *Demontazh krasnorechiia: ritoricheskaia traditsiia i poniatie poeticheskogo*, St. Petersburg, 2001.

Panibrattsev A. V., «Introduction» into Philosophical Course of Theophilactus Lopatinsky, *History of Philosophy Yearbook*, 1992, Moscow, 1994, 200–222.

Panibrattsev A. V., *Prosveshchenie razuma. Stanovlenie akademicheskoi nauki v Rossii*, St. Petersburg, 2002.

Prokopovič F., *De arte rhetorica libri X*, von R. Lachmann, Hrsg., B. Uhlenbruch, Handschriftenredaktion, (= Slavistische Forschungen, 27/2; *Rhetorica Slavica*, 2), Köln, Wien, 1982.

Prokopovič F., *Ob iskusstve ritoricheskomo desiat knig*, G. A. Stratanovskii, trans., E. V. Markasova, S. I. Nikolaev, E. V. Vvedenskaia, eds., Moscow, St. Petersburg, 2020.

Yavorsky S., *Filosofski tvori*, 1, Kiev, 1992.

Константин Владимирович Суториус, кандидат исторических наук,

доцент департамента филологии

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

190069, С.-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 119–121, 123, лит. А, ауд. 224

Россия / Russia

sutorius@mail.ru

Received May 3, 2021